

Г.В. Чочиев

РОЛЬ КИММЕРИЙЦЕВ И СКИФОВ В РАЗРУШЕНИИ УРАРТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Г.В. Чочиев*

Аннотация. Киммерийцы и скифы, начиная с первой половины VIII в. до н. э., большими массами мигрировавшие из Северного Причерноморья в Переднюю Азию, сыграли значительную и неоднозначную роль в судьбе многих народов региона. Весьма интенсивному давлению этих степных конных кочевников подвергалось Урартское царство. Если борьба с киммерийцами имела для него тяжелые, но переходящие последствия, то военная активность скифов на рубеже VII–VI вв. до н. э. оказалась фатальной для урартской государственности. В настоящей статье кратко прослеживаются этапы взаимоотношений между Урарту и кочевниками и приводятся некоторые данные современной турецкой археологии Восточной Анатолии, свидетельствующие о разрушении скифами основных урартских крепостей в районе оз. Ван.

Ключевые слова: киммерийцы, скифы, Урарту, миграция, археологические данные.

Одним из не вполне проясненных сюжетов древней истории Передней Азии является участие в военно-политической жизни региона степных конных кочевников – киммерийцев и в особенности скифов, – волнами вторгавшихся и мигрировавших сюда с севера, из-за Кавказского хребта, начиная с первой половины VIII в. до н. э. В рамках настоящей статьи будут рассмотрены взаимоотношения этих народов с Урартским (Ванским) царством с акцентом главным образом на их роль в его ослаблении и ликвидации. После краткого обзора основных этапов этого взаимодействия на основе опубликованных письменных источников и историографии нами будут приведены полученные в последние десятилетия данные археологических раскопок в урартских крепостях и поселениях в районе оз. Ван на территории современной Турции, проливающие некоторый свет на вопрос о степени причастности кочевников к их разрушению. С учетом того обстоятельства, что в литературе высказывались различные точки зрения по поводу соотношения «вклада» скифов, мидян, вавилонян и других народов в военный разгром Урарту на рубеже VII–VI вв. до н. э. [2, с. 257; 5, с. 31–34, 38; 9, с. 116, 241; 42], упомянутый материал может способствовать уточнению бытующих представлений по данной проблематике.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИММЕРИЙЦЕВ И СКИФОВ С УРАРТСКИМ ЦАРСТВОМ

Впервые в урартских источниках пришлые северные кочевники упоминаются в относящейся к 774 г. до н. э. записи в хронике царя Аргишти I (786–764) в форме «Ишугулу», под которой понималась страна скифов (от их ассиро-вавилонского названия «ишгуза») у северо-восточных границ Урарту в Закавказье, куда Аргишти удалось добраться в ходе одного из своих военных походов [7, с. 228]. Урартский правитель, не без гордости сообщавший о расширении своих владений вплоть до занятых

скифами земель, разумеется, не мог предполагать, какую роковую роль в жизни его государства предстояло сыграть этим степнякам.

В следующие десятилетия, по мере притока в регион из предкавказских степей новых групп номадов, главным образом киммерийцев, давление на рубежи Урарту, по-видимому, постепенно нарастало, в связи с чем царем Русой I (735–714) были возведены на берегах оз. Севан две крупные крепости, названные в честь богов Халди и Тейшебы [7, с. 328–329; 20, с. 166].

Эти оборонительные меры, впрочем, не принесли желаемого эффекта. Так, в донесениях ассирийской разведки сообщается о значительных проблемах, созданных для Урарту киммерийцами, и нанесенном ими армии Русы I поражении во время его похода в Закавказье. Данные отчеты свидетельствуют об активности киммерийцев не только на севере, но и на востоке Урарту, в частности об их атаке на его территорию из страны Манна, располагавшейся к югу и востоку от оз. Урмия. В результате этого вторжения большая часть урартского войска была уничтожена, а несколько военачальников взяты в плен кочевниками [2, с. 221; 9, с. 98; 28, с. 41–42]. Более того, ослабленная этим разгромом урартская армия в 714 г. до н. э. потерпела сокрушительное поражение уже от ассирийцев [2, с. 231–232; 37, с. 40–178], что подтолкнуло Русу I к самоубийству [9, с. 41].

Сын Русы I Аргишти II (714–685) в 707 г. до н. э. также потерпел крупное поражение от киммерийцев, занявших земли в долине реки Аракс [3, с. 214–215]. Несмотря на то, что данная орда кочевников вскоре продвинулась через территорию Урарту на запад, в глубь Анатолии, обрушившись в дальнейшем на Фригию [6, с. 72–77], Аргишти II, опасавшийся их возвращения, вынужден был построить новую крепость Алтынтепе близ современного Эрзинджана [3, с. 196, 215; 28, с. 43; 38, с. 2–5].

* Чочиев Георгий Витальевич – к. и. н., с. н. с. НИО «Центр скифо-аланских исследований» ВНЦ РАН (georg-choch@yandex.ru).

В период нового возвышения Урарту при Русе II (685–639) внешняя политика государства претерпела определенные изменения, выразившиеся в том числе в переходе от бескомпромиссно враждебной линии в отношении кочевников к курсу на установление с ними комплементарных взаимоотношений. В рамках этого киммерийцам были «пожалованы» для расселения земли (отчасти, вероятно, и так находившиеся под их контролем) [33, с. 37], что устранило опасность новой войны с ними и обеспечило урартам сильного союзника для борьбы с их основным врагом – Ассирией.

Эту прагматичную политику Руса II пытался проводить и по отношению к скифам, не позднее 70-х гг. VII в. до н. э. начавшим в значительных количествах появляться в Восточном Закавказье и Северо-Западном Иране. Так, он позволил скифским племенам во главе с «царем» Сагастарой пройти через свою территорию и расселиться в Манне, ближе к границам Ассирии. Предполагается, что во избежание конфликта с номадами и разорения ими страны какой-то их части было позволено обосноваться и в пределах самого Урарту [29, с. 105]. В то же время в качестве превентивной меры безопасности Русой II в этот период активно строились новые крепости и фортификационные сооружения в зонах присутствия скифов от Северо-Западного Ирана до оз. Ван [4, с. 113–114; 8, с. 145–152; 29, с. 105–107], что свидетельствует об адекватном восприятии урартами представляемой кочевниками (равно как и усиливающейся Мидией) военной угрозы.

Последующие десятилетия существования Урарту крайне слабо отражены в источниках, однако не подлежит сомнению постепенное ухудшение его взаимоотношений со скифами, все активнее втягивавшимися в качестве самостоятельного игрока в острое военно-политическое соперничество в регионе. Возросшее давление скифов стало одной из причин поиска урартами при царе Сардур III (639–625) защиты у Ассирии и их фактического вступления в вассальную зависимость от своего давнего противника [2, с. 255; 5, с. 31].

После падения около 612 г. до н. э. столицы Ассирийской державы под ударами вавилоно-скифо-мидийской коалиции отряды скифов, согласно вавилонской хронике, хлынули в район оз. Ван и далее в глубь Урарту [42, с. 62, 64], разрушая и грабя расположенные там города и крепости. Одновременно урартские земли атаковали мидийские войска. Под натиском прежде всего этих двух сил, но также, несомненно, вавилонян, киммерийцев и других Ванское царство на рубеже VII–VI вв. до н. э. утратило сначала свои центральные области, а затем и остаток территории в Закавказье (его последняя цитадель Тейшебаини была взята скифами не позднее 585 г. до н. э.) [9, с. 240–241].

Вслед за ликвидацией государственности Урарту его владения были включены в усилившуюся Мидийскую державу. Скифы же, не осев в захва-

ченной стране, в течение еще некоторого времени продолжали активные перемещения по переднеазиатскому региону в поисках новых источников добычи.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ВОЕННОЙ АКТИВНОСТИ СКИФОВ В УРАРТСКИХ ЦЕНТРАХ

Благодаря осуществляемым в основных урартских центрах на территории современной Турции интенсивным раскопкам археологами накоплен значительный материал, характеризующий влияние киммерийцев и скифов, в первую очередь их военных набегов, на положение и судьбу Ванского царства.

Наибольшую важность с точки зрения выявления следов этих кочевников представляют артефакты, обнаруженные в урартских крепостях Нижний и Верхний Анзаф, Йонджатепе, Чавуштепе, Аянис и – в несколько меньшей степени – Топраккале и Каялыдере.

Крепость Нижний Анзаф, находящаяся в 11 км к северо-востоку от древней урартской столицы Тушпы, была построена с целью обеспечения безопасности дороги, ведущей в Тушпу из Северо-Западного Ирана и Закавказья [14, с. 9]. Расположенная в 900 м к югу от нее крепость Верхний Анзаф была возведена для складирования выращиваемой в регионе богатой сельскохозяйственной продукции и охраны окрестных плодородных земель [14, с. 16]. В обоих объектах раскопки ведутся с 1991 г. [16, с. 201].

В ходе раскопок в обеих крепостях была выявлена чрезвычайно высокая степень разрушения урартских культурных слоев средневековыми. Ввиду этого относящиеся к эпохе Урарту слои плохо распознаваемы, в частности, несмотря на бесспорность факта гибели урартского поселения нижней крепости вследствие погрома, время и обстоятельства этого события пока остаются неясными [14, с. 14; 15, с. 11].

Установлено также, что атаки скифов были направлены не на мощные южные и юго-западные ворота крепости, а на ее северную и северо-восточную стороны, поскольку любое нападение через юго-западные ворота, укрепленные высокими боковыми стенами и очень прочной башней, было бы, скорее всего, самоубийственным [18, с. 296].

В верхней крепости, лучше сохранившейся по сравнению с нижней, последствия нападений наиболее отчетливым образом прослеживаются во дворе северных крепостных ворот. Образованный сгоревшей во время штурма деревянной дверью зольный слой толщиной в 70–80 см является показателем интенсивности нападения. От вспыхнувшего в крепости и в районе ворот сильного пожара лопнули известняковые камни, а сырцовые стены, надстроенные поверх каменных, обгорели и превратились в красный кирпич [14, с. 24].

Во дворе северных ворот были обнаружены

сильно обожженные и обугленные скелеты 81 единицы крупного и 452 единиц мелкого рогатого скота [14, с. 25]. Предположительно, при пожаре эти животные находились внутри крепости и в поисках спасения устремились к северным воротам, чтобы выбраться наружу, однако, поскольку ворота были заперты, погибли во дворе от удушья и давки [10, с. 89]. Нахождение большого количества животных внутри крепости может объясняться тем обстоятельством, что проживавшее у ее подножья и вокруг нее население, ожидая нападения скифов, временно укрылось вместе со всем своим имуществом, включая скот, в верхней цитадели, рассчитывая переждать там опасность, а затем вновь вернуться в свои дома. Однако из-за затянувшихся боев и вызванных ими разрушений погибли как люди, так и животные, не сумевшие покинуть территорию крепости [10, с. 90].

Еще одним важным участком, проливающим свет на происходившие в ходе длительной осады события, является зона святилища бога Халди в верхней крепости. Разбросанные в зольном слое в находящейся в восточной части прихрамовой территории камере размером в 8 кв. м бронзовые и железные наконечники стрел, фрагменты мечей, брони и колчанов подтверждают затяжной характер боев [17, с. 422]. Найденный же здесь типично скифский шипастый наконечник стрелы с двумя плечиками красноречиво указывает на то, кем были произведены разрушения [17, с. 422].

Упомянутый наконечник, так же как и обнаруженный восточнее двора святилища наконечник того же типа, свидетельствуют о том, что атаки скифов на данном этапе исходили с восточной и юго-восточной стороны. Важно отметить, что проведенный анализ наконечников скифского типа из различных мест крепости выявил отличие состава использованной при их изготовлении бронзы от состава сплава урартских наконечников [15, с. 29].

Три найденных в различных местах крепости пустых колчана были явно оставлены скифскими воинами после того, как закончились находившиеся в них стрелы, что также указывает на продолжительность осады. При этом владельцы не выбросили колчаны, а аккуратно положили на землю кожаными частями сверху для защиты от грязи и влаги, вероятно, рассчитывая забрать их по окончании боя и продолжать использовать [15, с. 22].

Еще одним подтверждением длительного характера осады является тот факт, что скопившийся в печах и очагах кухонных помещений верхней крепости пепел не выброшен наружу (ввиду невозможности это сделать), а разбросан по полам, достигая высоты в 35–40 см [11, с. 390]. Кроме того, из-за притока в крепость в поисках укрытия чрезмерного числа людей существующих кухонных строений оказалось, по-видимому, недостаточно, в связи с чем некоторые крепостные помещения были временно превращены в кухни путем сооружения в них очагов и печей. Во всех кухнях, помимо пепла, в большом количестве встречаются не удаленные

также по причине осады кости крупного и мелкого рогатого скота [13, с. 153; 25, с. 176].

Любопытно одно из таких временно превращенных в кухню строений, именуемое в отчетах «юго-западным амбарным хранилищем № 4». Поскольку при штурме оно не было разрушено, после взятия крепости группа скифов в течение какого-то времени использовала его для проживания, разбрасывая внутри помещения вместе с пеплом кости приготовленных и съеденных ими животных [24, с. 279]. Там же была обнаружена идентифицированная как скифская костяная деталь конской сбруи [24, с. 279]. Схожая находка – предположительно скифская заколка для волос из слоновой кости с навершием в виде головы орла – была извлечена из т. н. «амбарного хранилища № 1 с пифосами» [24, с. 277].

В разрушенном во время скифских атак помещении («амбарном хранилище № 2 с пифосами») обнаружены пустые пифосы. Клинописные пометки со словами акарки (вино) и тируси (масло), сделанные у их выходных отверстий, ясно указывают на назначение сосудов. Тот же факт, что все пифосы пусты, свидетельствует о том, что нападение скифов произошло в период, когда виноград еще не созрел и вино не было приготовлено и разлито по сосудам [24, с. 278].

С учетом характера обнаруженных в крепости Верхний Анзаф артефактов можно с высокой степенью уверенности атрибутировать это нападение скифам.

Крепость Йонджатепе находится в 9 км к югу от современного города Ван. Начиная с 1997 г. здесь проводились археологические раскопки в зонах расположения трех комплексов – самой крепости, некрополя и жилого поселения [12, с. 265; 36, с. 181–185]. Как было выяснено в ходе этих работ, крепость в период атаки на нее принадлежала некому местному владельцу, не находившемуся под суверенитетом Урартского царства [22, с. 382].

В выявленном в ходе раскопок в районе акрополя здании, предположительно дворце, присутствует мощный зольный слой, образовавшийся в конце VII в. до н. э. в результате пожара. Хотя в самих дворцовых помещениях не обнаружено достоверно скифских артефактов, многочисленные наконечники стрел скифского типа у подножия акрополя достаточно определенно указывают на то, кто мог быть ответственен за появление этого слоя [21, с. 101; 22, с. 389; 40, с. 170].

В здании отчетливо видны следы нападения. В находящемся на нижнем этаже дворца хранилище во время возникшего при внезапной атаке пожара наряду с деревянными дверьми, дверными брусками и потолочным покрытием загорелись также кунжутное масло и прочие горючие материалы, в результате чего все помещение покрылось толстым слоем копоти и угля [39, с. 191]. Схожие следы сильного пожара обнаруживаются по всему предположительно двухэтажному зданию дворца, верхний этаж которого, по всей видимости, полностью обрушился на нижний.

Возникший во дворце вследствие пожара зольный слой содержит также свидетельства внезапного и неожиданного характера атаки на крепость. Так, наличие между гладкими речными камнями, образующими пол одного из открытых дворики, обугленных зерен чечевицы может объясняться тем, что выбежавшие в панике из дворца люди захватили с собой чечевицу, часть которой рассыпали случайно во дворе [39, с. 193].

Сумевшие спастись от внезапного погрома жители Йонджатепе спешно укрылись вместе с легким имуществом и оружием на расположенной в 2 км к востоку горе Эрек. В дальнейшем в районе дворца более не фиксировалось каких-либо поселений и застроек [22, с. 383].

Из других доказательств неожиданного характера нападения и панического бегства от него жителей могут быть названы рассыпанные на почве перед одним из зернохранилищ сотни осколков сосудов с оставшимися на них пшеничными зернами [39, с. 193], явно свежеприготовленная еда в глиняных горшках в керамических печах некоторых жилищ [10, с. 149–150; 36, с. 189] и в целом нетронутая обстановка многих помещений [35, с. 370].

В западной части находящегося на акрополе дворца и в прилегающей к его северной стене кухне было найдено *in situ* (на месте. – *Ред.*) большое количество керамических изделий. В одной из небольших тарелочек, накрытой опрокинутой низом вверх более крупной тарелкой, после снятия последней обнаружилась обуглившаяся недоеденная пища, что интерпретируется как свидетельство спешного бегства проживавших во дворце людей от внезапно нависшей над ними смертельной опасности [22, с. 392]. Аналогичная ситуация выявлена в печи той же кухни в виде разбившейся на недокачанной подставке глиняной миски с остатками еды, очевидно, брошенной обитателями в момент осознания возникшей угрозы [22, с. 393].

В комнате в юго-западном углу дворца также *in situ* обнаружены веретенные блоки и обугленные куски материи, указывающие на нахождение здесь ткацкой мастерской [22, с. 400–401]. Разбросанные в беспорядке бусинки ожерелий и бронзовые броши для одежды и волос недвусмысленно свидетельствуют о бегстве работавших за ткацкими станками женщин, напуганных приближением противника [22, с. 401]. Найденная же здесь деревянная трость могла быть выронена или брошена второпях ее жильем владельцем [22, с. 401].

Принимая во внимание факт наличия в крепостных хранилищах значительного количества обугленного зерна, можно предположить, что нападение на Йонджатепе имело место во второй половине сентября или в октябре, когда хлеб в полях был уже убранный, отделен от стеблей, обмолочен и складирован [22, с. 389; 39, с. 193; 40, с. 170].

Все данные раскопок в Йонджатепе указывают на неожиданный характер скифской атаки. Крепость оказалась застигнута врасплох и, судя по всему, не смогла предпринять никаких эффектив-

ных оборонительных действий. Это дает основание полагать, что налет был совершен каким-то мобильным отрядом.

Крепость Чавуштепе находится в одноименном селе в турецкой провинции Ван. Хотя первые посвященные ей научные публикации появились еще в конце XIX в., проведенные во второй половине XX в. раскопки показали, что здесь располагалось гораздо более крупное и важное поселение, чем предполагалось изначально. В настоящее время Чавуштепе считается наиболее основательно исследованным урартским объектом [19, с. 210].

Крепость была построена царем Сардури II (764–735) в целях организации складирования получаемой с прилегающей равнины сельскохозяйственной продукции, равно как и по военным соображениям, и благодаря своему экономическому и стратегическому значению постоянно росла с момента основания вплоть до гибели Урартского царства [19, с. 212; 33, с. 6]. Чавуштепе представлял собой «парную крепость» и состоял из двух разновысотных цитаделей – восточной и западной, – соединенных друг с другом небольшой седловиной и укрепленной дорогой. К средней части восточных стен нижней крепости пристроена также «торцевая крепость» – ориентированный с востока на запад выступ в виде прямоугольника размером 27,5 на 17,3 м [33, с. 11].

Как известно, оборонительная стратегия Урарту основывалась на принуждении вступившего на территорию страны врага к непрерывным боевым действиям с целью его изматывания и устрашения [34, с. 205]. Чавуштепе принадлежала важная роль в реализации данной стратегии в отношении противника, двигавшегося из Северо-Западного Ирана в сторону центральных областей царства, а также в защите его столицы. Будучи значительным экономическим центром, Чавуштепе в то же время считался весьма труднодоступной крепостью [34, с. 193].

Тем не менее, как показывают раскопки, слой VII в. до н. э. в «торцевой крепости» завершается густым зольным слоем от пожара, возникновение которого здесь, как и в целом в Чавуштепе, связывается с нападением скифов. Важнейшим свидетельством этого выступают наконечники стрел скифского типа, обнаруженные как в «торцевой крепости», так и во многих других местах. Тот факт, что эти наконечники насчитывают тысячи единиц, подтверждает чрезвычайно интенсивный и жестокий характер атаки на крепость, захваченной скифами лишь после длительной осады [33, с. 32, 55]. Продолжительному сопротивлению оборонящихся, по-видимому, способствовало наличие в Чавуштепе трех выдолбленных в скальной породе водных резервуаров [19, с. 215].

Толщина образовавшегося в результате пожара зольного слоя служит подтверждением масштабов катастрофы. О мощи обрушившегося на Чавуштепе натиска свидетельствуют также зафиксированные в крепостных стенах деформированные бронзовые

наконечники стрел и обнаруженные у подножья крепости скелеты ее упавших со стен защитников [33, с. 55].

Рядом со скифскими наконечниками стрел были также найдены сделанные из кости и рога фрагменты четырех конских упряжей, в частности псалии, а в различных частях крепости – предположительно относящиеся к скифам орудия, оружие и т. п.

Один из четырех обнаруженных псалиев завершается стилизованной головой фантастического существа, напоминающего своим вытянутым вперед рогом барана, а скрюченным клювом – птицу. Фигурка на другом псалии, сломанном с задней стороны, схожа с первым, но отличается от него наличием в нижней части двух выпуклостей и спиральной закругленной формой рога. Оба образца вполне вписываются в рамки скифского «звериного стиля». Остальные два псалия лишены каких-либо украшений и по форме напоминают кабаньи клыки с заостренными изогнутыми концами, на которых сделано по три функциональных отверстия.

Во время разрушения крепости ее зернохранилище находилось в заполненном состоянии. Обнаруженные же в некоторых местах на земле обугленные зерна пшеницы могли высыпаться из мешков, захваченных с собой спасавшимися бегством людьми [33, с. 39, 46–47]. Немногочисленность найденных в Чавуштепе предметов быта объясняют тем обстоятельством, что крепость была сожжена скифами после ее разграбления, так как в случае ее разрушения в результате пожара или поджога самими жителями можно было бы ожидать большего числа находок [33, с. 56]. Сразу по захвате и разрушении крепости скифы, по всей вероятности, проживали в ней, хотя и в течение непродолжительного времени [33, с. 99].

Крепость Аянис расположена на восточном берегу оз. Ван в 35 км к северу от современного города Ван. Регулярные раскопки здесь проводятся с 1989 г. Предполагается, что Аянис был построен в VII в. до н. э. в рамках масштабных фортификационных работ, предпринятых Русой II для защиты рубежей государства от набегов кочевых племен [30, с. 15].

В крепости были выявлены несколько сот наконечников стрел скифского типа, большая часть которых находилась с восточной стороны крепости перед четвертым с севера бастионом на участке шириной примерно в 30 м. При этом многие экземпляры были зафиксированы либо в самой стене, либо в выпавших из нее кирпичях [26, с. 63; 27, с. 25; 31, с. 189–217]. Наконечники этого типа были обнаружены также на внешних крепостных стенах [26, с. 63].

Помимо наконечников стрел, на активность в Аянисе скифского или киммерийского элемента может также указывать выполненная в «зверином стиле» головка рукоятки кинжала [32, с. 127].

Крепость Топраккале, расположенная примерно в 7 км от Тушпы, дошла до современности в край-

не рунированном состоянии. Известно, что среди найденных в ней в прошлом и хранящихся ныне в основном в Британском музее многочисленных артефактов имеется более 700 датированных концом VII в. до н. э. и относимых к скифскому типу наконечников стрел [41].

В крепости Каялыдере, находящейся в современной провинции Муш к западу от оз. Ван, в ходе раскопок второй половины XX в. был обнаружен бронзовый наконечник стрелы скифского типа [23]. В начале же 2000-х гг. на достаточном отдалении от крепости в пределах той же провинции был выявлен бронзовый топор, также предположительно относящийся к скифам. С учетом наличия в данном регионе значительных степных пространств не лишено оснований допущение о его привлекательности для северных номадов и их расселении здесь в течение какого-то времени до или после падения крепости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенные выше в общих чертах результаты археологических раскопок в указанных крепостях, в частности обилие в них предположительно кочевнических военных артефактов при отсутствии мидийских и др., свидетельствуют о том, что в конце VII – начале VI в. до н. э. скифами был осуществлен весьма значительный натиск на центральные районы Урартского царства, ставший непосредственной причиной падения целого ряда расположенных здесь укрепленных городов. Данное обстоятельство дает основание заключить, что скифским отрядам принадлежала весьма важная, вероятно решающая, роль в демонтаже инфраструктуры и самой государственности Урарту не только на севере страны, в Закавказье, как это было установлено ранее [9, с. 116], но также и в области вокруг оз. Ван. При этом скифы, несомненно, могли действовать здесь как самостоятельно, так и в качестве союзников или даже вассалов мидян, которые и сами активно атаковали Урарту, взяв, например, его древнюю столицу Тушпу не позднее 590 г. до н. э. [9, с. 241; 20, с. 177–178]. После разрушения и разграбления урартских центров кочевники-скифы, не задерживаясь в течение сколько-нибудь продолжительного времени на занятой территории, устремились в набеги на другие страны Передней и Малой Азии и Закавказья, а частью, по-видимому, начали возвращаться (особенно после расправы над их вождями мидийского царя Киаксара в 595/594 г.) за Кавказские горы в Северное Причерноморье [1, с. 33–34]. Для распространения же в историографии не вполне подкрепленного доказательствами мнения об определяющем мидийском вкладе в военный разгром Урарту мог отчасти дать основание тот факт, что вскоре после ухода скифов ванский регион перешел под политический суверенитет державы Киаксара.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Артамонов М.И.** Киммерийцы и скифы. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1974. 156 с.
2. **Арутюнян Н.В.** Бийлини-Урарту. Военно-политическая история и вопросы топонимики. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 367 с.
3. **Берни Ч., Лэнг Д.М.** Древний Кавказ. От доисторических поселений Анатолии до христианских царств раннего Средневековья / Пер. с англ. Л.А. Изоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2016. 383 с.
4. **Дьяконов И.М.** Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке // *Российская археология*. 1994. № 1. С. 108–116.
5. **Дьяконов И.М.** Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам // *Вестник древней истории*. 1951. № 2. С. 29–39.
6. **Иванчик А.И.** Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н. э. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 1996. 323 с.
7. **Меликишвили Г.А.** Урартские клинообразные надписи. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. 504 с.
8. **Оганесян К.Л.** Военное строительство в Урарту // *Культурное наследие Востока*. – Л.: Наука, 1985. С. 145–152.
9. **Пиотровский Б.Б.** Ванское царство (Урарту). – М.: Издательство восточной литературы, 1959. 344 с.
10. **Belli O.** 1995 Yılında Doğu Anadolu Bölgesi'nde Urartu Baraj ve Sulama Sisteminin Araştırılması // *Araştırma Sonuçları Toplantısı*. 1996. № 14. II. С. 39–169.
11. **Belli O.** 1999 Yılı Anzaf Kaleleri Kazısı ve Onarım Çalışmaları // *22. Kazı Sonuçları Toplantısı*. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2001. I. С. 385–398.
12. **Belli O.** 2000 Yılı Van-Yoncatepe Kalesi ve Nekropolü Kazısı // *23. Kazı Sonuçları Toplantısı*. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2002. II. С. 265–274.
13. **Belli O.** 2004 Yılı Aşağı ve Yukarı Anzaf Urartu Kaleleri Kazısı // *27. Kazı Sonuçları Toplantısı*. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2006. I. С. 151–164.
14. **Belli O.** Anzaf Kaleleri ve Urartu Tanrıları. – İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 1998. 104 с.
15. **Belli O.** Aşağı ve Yukarı Anzaf Urartu Kaleleri Kazısı (1991–1992) // *Arkeoloji ve Sanat Dergisi*. 1993. № 58. С. 3–32.
16. **Belli O.** Aşağı ve Yukarı Anzaf Urartu Kaleleri Kazısı // *Türkiye Arkeolojisi ve İstanbul Üniversitesi*. Ed. O. Belli. – Ankara: İ.Ü. Rektörlüğü Yayını, 2000. С. 201–209.
17. **Belli O.** Aşağı ve Yukarı Anzaf Urartu Kaleleri Kazısı, 1992 // *15. Kazı Sonuçları Toplantısı*. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1994. I. С. 417–444.
18. **Belli O.** Aşağı ve Yukarı Anzaf Urartu Kaleleri Kazısı, 1993 // *16. Kazı Sonuçları Toplantısı*. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1995. I. С. 287–312.
19. **Belli O.** Çavuştepe (Sardurihinili) Kazıları // *Türkiye Arkeolojisi ve İstanbul Üniversitesi*. Ed. O. Belli. – Ankara: İ.Ü. Rektörlüğü Yayını, 2000. С. 210–216.
20. **Belli O.** Urartular // *Anadolu Uygarlıkları*. I. – İstanbul: Görsel Yayınları, 1982. С. 139–208.
21. **Belli O.** Yoncatepe Kalesi ve Mezarlığı // *Arkeoatlas*. 2005. № 4. С. 100–101.
22. **Belli O.** Yoncatepe Sarayı ve Nekropolü // *Anadolu Medeniyetleri Müzesi 2005 Yılı*. – Ankara: Anadolu Medeniyetleri Müzesi, 2006. С. 381–431.
23. **Burney C.A.** A First Season of Excavations at the Urartian Citadel of Kayalidere // *Anatolian Studies*. XVI. 1966. С. 55–111.
24. **Ceylan A.** 2000 Yılı Anzaf Kaleleri Kazısı ve Onarım Çalışmaları // *23. Kazı Sonuçları Toplantısı*. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2002. II. С. 275–286.
25. **Ceylan A.** 2003 Yılı Aşağı ve Yukarı Anzaf, Urartu Kaleleri Kazısı // *26. Kazı Sonuçları Toplantısı*. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2005. I. С. 175–188.
26. **Çilingiroğlu A.** Bronze Arrowheads of Ayanis (Rusahinili Eiduru-kai): Indicate Ethnic Identity? // *Anatolian Metal*. III. Ed. Ü. Yalçın. – Bochum, 2005. С. 63–66.
27. **Çilingiroğlu A.** Military Architecture // *Ayanis*. I. Ed. A. Çilingiroğlu, M. Salvini. – Roma: Istituto per gli studi Micenei ed Egeo-Anatolici, 2001. С. 25–29.
28. **Çilingiroğlu A.** Urartu Krallığı: Tarihi ve Sanatı. – İzmir: Yaşar Eğitim ve Kültür Vakfı, 1997. 171 с.
29. **Çilingiroğlu A.** Urartu Tarihi. – İzmir: Ege Üniversitesi E.F. Yayınları, 1994. 150 с.
30. **Çilingiroğlu A., Salvini M.** The Historical Background of Ayanis // *Ayanis*. I. Ed. A. Çilingiroğlu, M. Salvini. – Roma: Istituto per gli studi Micenei ed Egeo-Anatolici, 2001. С. 15–36.
31. **Derin Z., Muscarella O.W.** Iron and Bronze Arrows // *Ayanis*. I. Ed. A. Çilingiroğlu, M. Salvini. – Roma: Istituto per gli studi Micenei ed Egeo-Anatolici, 2001. С. 189–217.
32. **Erdem A.Ü.** Ayanis Kalesi Kazıları, 2005 // *28. Kazı Sonuçları Toplantısı*. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2008. I. С. 123–136.
33. **Erzen A.** Doğu Anadolu ve Urartular. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1992. 114 с.
34. **Gündüz S.** Urartu Askeri Mimarisi // *Anadolu Medeniyetleri Müzesi 1994 Yılı*. – Ankara: Anadolu Medeniyetleri Müzesi, 1995. С. 189–210.
35. **Kavaklı E.** Van-Yoncatepe Kalesi ve Nekropolü Kazısı // *32. Kazı Sonuçları Toplantısı*. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2011. II. С. 369–384.
36. **Konyar E.** Van-Yoncatepe Kalesi ve Nekropolü Kazıları // *Türkiye Arkeolojisi ve İstanbul Üniversitesi*. Ed. O. Belli. – Ankara: İ.Ü. Rektörlüğü Yayını, 2000. С. 181–190.
37. **Luckenbill D.D.** Ancient Records of Assyria and Babylonia. II. – Chicago: University of Chicago Press, 1927. 504 с.
38. **Özgüç T.** Altintepe I: Mimarlık Anıtları ve Duvar Resimleri. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1966. 63 с.
39. **Tozkoşaran M.** 2003 Yılı Van-Yoncatepe Kalesi ve Nekropolü Kazısı // *26. Kazı Sonuçları Toplantısı*. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2005. I. С. 189–202.
40. **Tozkoşaran M.** 2004 Yılı Van-Yoncatepe Kalesi ve Nekropolü Kazısı // *27. Kazı Sonuçları Toplantısı*. – Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2006. I. С. 165–182.
41. **Wartke R.** Toprakkale. – Berlin: Akademie Verlag, 1990. 164 с.
42. **Wiseman D.J.** Chronicles of Chaldean Kings (626–556 B.C.) in the British Museum. – London: Trustees of British Museum, 1961. 99 с.

THE ROLE OF THE CIMMERIANS AND SCYTHIANS IN THE DESTRUCTION OF THE URARTIAN STATE

G.V. Chochiev

PhD, Senior Researcher, Vladikavkaz Scientific Center, Russian Academy of Sciences (georg-choch@yandex.ru)

Abstract. The Cimmerians and Scythians who, starting from the first half of the VIII century BC, migrated in large numbers from the Northern Black Sea region to Western Asia, played a significant and controversial role in the fate of many peoples of the region. The Urartian kingdom was subjected to very intense pressure from these steppe horse nomads. If the struggle with the Cimmerians had severe but transient consequences for him, then the military activity of the Scythians at the turn of the VII–VI centuries BC turned out to be fatal for the Urartian statehood. This article briefly traces the stages of the relationship between Urartu and the nomads and provides some data from modern Turkish archeology in Eastern Anatolia, indicating the destruction of the main Urartian fortresses in the area of Lake Van by the Scythians.

Keywords: Cimmerians, Scythians, Urartu, migration, archaeological data.

REFERENCES

1. Artamonov M.I. *Kimmeriitsy i skify*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1974. 156 p.
2. Arutyunyan N.V. *Biainili-Urartu. Voennno-politicheskaya istoriya i voprosy toponimiki*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. 367 p.
3. Burney C., Lang D.M. *Drevnii Kavkaz. Ot doistoricheskikh poselenii Anatolii do khristianskikh tsarstv rannego Srednevekov'ya / Per. s angl. L.A. Igorevskogo*. Moscow: ZAO Tsentropoligraf, 2016. 383 p.
4. D'yakonov I.M. *Kimmeriitsy i skify na Drevnem Vostoke // Rossiiskaya arkhologiya*. 1994. No 1. P. 108–116.
5. D'yakonov I.M. *Poslednie gody Urartskogo gosudarstva po assiro-vavilonskim istochnikam // Vestnik drevnei istorii*. 1951. No 2. P. 29–39.
6. Ivanchik A.I. *Kimmeriitsy. Drevnevostochnye tsivilizatsii i stepnye kochevniki v VIII–VII vv. do n.e.* Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 1996. 323 p.
7. Melikishvili G.A. *Urartskie klinoobraznye nadpisi*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. 504 p.
8. Oganesyanyan K.L. *Voennoe stroitel'stvo v Urartu // Kul'turnoe nasledie Vostoka*. Leningrad: Nauka, 1985. P. 145–152.
9. Piotrovskii B.B. *Vanskoe tsarstvo (Urartu)*. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1959. 344 p.
10. Belli O. 1995 Yılında Doğu Anadolu Bölgesi'nde Urartu Baraj ve Sulama Sisteminin Araştırılması // *Araştırma Sonuçları Toplantısı*. 1996. No 14. II. P. 39–169.
11. Belli O. 1999 Yılı Anzaf Kaleleri Kazısı ve Onarım Çalışmaları // 22. Kazı Sonuçları Toplantısı. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2001. I. P. 385–398.
12. Belli O. 2000 Yılı Van-Yoncatepe Kalesi ve Nekropolü Kazısı // 23. Kazı Sonuçları Toplantısı. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2002. II. P. 265–274.
13. Belli O. 2004 Yılı Aşağı ve Yukarı Anzaf Urartu Kaleleri Kazısı // 27. Kazı Sonuçları Toplantısı. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2006. I. P. 151–164.
14. Belli O. *Anzaf Kaleleri ve Urartu Tanrıları*. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 1998. 104 p.
15. Belli O. *Aşağı ve Yukarı Anzaf Urartu Kaleleri Kazısı (1991–1992) // Arkeoloji ve Sanat Dergisi*. 1993. No 58. P. 3–32.
16. Belli O. *Aşağı ve Yukarı Anzaf Urartu Kaleleri Kazısı // Türkiye Arkeolojisi ve İstanbul Üniversitesi*. Ed. O. Belli. Ankara: İ.Ü. Rektörlüğü Yayını, 2000. P. 201–209.
17. Belli O. *Aşağı ve Yukarı Anzaf Urartu Kaleleri Kazısı, 1992 // 15. Kazı Sonuçları Toplantısı*. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1994. I. P. 417–444.
18. Belli O. *Aşağı ve Yukarı Anzaf Urartu Kaleleri Kazısı, 1993 // 16. Kazı Sonuçları Toplantısı*. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1995. I. P. 287–312.
19. Belli O. *Çavuştepe (Sardurihinili) Kazıları // Türkiye Arkeolojisi ve İstanbul Üniversitesi*. Ed. O. Belli. Ankara: İ.Ü. Rektörlüğü Yayını, 2000. P. 210–216.
20. Belli O. *Urartular // Anadolu Uygarlıkları*. I. İstanbul: Görsel Yayınları, 1982. P. 139–208.
21. Belli O. *Yoncatepe Kalesi ve Mezarlığı // ArkeoAtlas*. 2005. No 4. P. 100–101.
22. Belli O. *Yoncatepe Sarayı ve Nekropolü // Anadolu Medeniyetleri Müzesi 2005 Yıllığı*. Ankara: Anadolu Medeniyetleri Müzesi, 2006. P. 381–431.
23. Burney C.A. *A First Season of Excavations at the Urartian Citadel of Kayalidere // Anatolian Studies*. XVI. 1966. P. 55–111.
24. Ceylan A. 2000 Yılı Anzaf Kaleleri Kazısı ve Onarım Çalışmaları // 23. Kazı Sonuçları Toplantısı. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2002. II. P. 275–286.
25. Ceylan A. 2003 Yılı Aşağı ve Yukarı Anzaf, Urartu Kaleleri Kazısı // 26. Kazı Sonuçları Toplantısı. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2005. I. P. 175–188.
26. Çilingiroğlu A. *Bronze Arrowheads of Ayanis (Rusahinili Eiduru-kai): Indicate Ethnic Identity? // Anatolian Metal*. III. Ed. Ü. Yalçın. Bochum, 2005. P. 63–66.
27. Çilingiroğlu A. *Military Architecture // Ayanis*. I. Ed. A. Çilingiroğlu, M. Salvini. Roma: Istituto per gli studi Micenei ed Egeo-Anatolici, 2001. P. 25–29.
28. Çilingiroğlu A. *Urartu Krallığı: Tarihi ve Sanatı*. İzmir: Yaşar Eğitim ve Kültür Vakfı, 1997. 171 p.
29. Çilingiroğlu A. *Urartu Tarihi*. İzmir: Ege Üniversitesi E.F. Yayınları, 1994. 150 p.
30. Çilingiroğlu A., Salvini M. *The Historical Background of Ayanis // Ayanis*. I. Ed. A. Çilingiroğlu, M. Salvini. Roma: Istituto per gli studi Micenei ed Egeo-Anatolici, 2001. P. 15–36.
31. Derin Z., Muscarella O.W. *Iron and Bronze Arrows // Ayanis*. I. Ed. A. Çilingiroğlu, M. Salvini. Roma: Istituto per gli studi Micenei ed Egeo-Anatolici, 2001. P. 189–217.
32. Erdem A.Ü. *Ayanis Kalesi Kazıları, 2005 // 28. Kazı Sonuçları Toplantısı*. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2008. I. P. 123–136.
33. Erzen A. *Doğu Anadolu ve Urartular*. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1992. 114 p.
34. Gündüz S. *Urartu Askeri Mimarisi // Anadolu Medeniyetleri Müzesi 1994 Yıllığı*. Ankara: Anadolu Medeniyetleri Müzesi, 1995. P. 189–210.
35. Kavaklı E. *Van-Yoncatepe Kalesi ve Nekropolü Kazısı // 32. Kazı Sonuçları Toplantısı*. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2011. II. P. 369–384.
36. Konyar E. *Van-Yoncatepe Kalesi ve Nekropolü Kazıları // Türkiye Arkeolojisi ve İstanbul Üniversitesi*. Ed. O. Belli. Ankara: İ.Ü. Rektörlüğü Yayını, 2000. P. 181–190.
37. Luckenbill D.D. *Ancient Records of Assyria and Babylonia*. II. Chicago: University of Chicago Press, 1927. 504 p.
38. Özgüç T. *Altintepe I: Mimarlık Anıtları ve Duvar Resimleri*. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1966. 63 p.
39. Tozkoparan M. 2003 Yılı Van-Yoncatepe Kalesi ve Nekropolü Kazısı // 26. Kazı Sonuçları Toplantısı. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2005. I. P. 189–202.
40. Tozkoparan M. 2004 Yılı Van-Yoncatepe Kalesi ve Nekropolü Kazısı // 27. Kazı Sonuçları Toplantısı. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2006. I. P. 165–182.
41. Wartke R. *Toprakkale*. Berlin: Akademie Verlag, 1990. 164 p.
42. Wiseman D.J. *Chronicles of Chaldaean Kings (626–556 B.C.) in the British Museum*. L.: Trustees of British Museum, 1961. 99 p.